

---

*Специальная тема выпуска:  
Психотерапия как наука*

---

## **ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО**

В этом номере журнал продолжает традицию проведения дискуссий по острым проблемам психологии. На сей раз, в год 150-летия со дня рождения Зигмунда Фрейда, предметом дискуссии избрана психотерапия, ее особенности как области знания и интеллектуальной практики.

С позиции классического понимания науки и роли в ней теории, эксперимента и практики психотерапия могла бы трактоваться как одна из областей практического приложения фундаментальной психологической теории. При этом фундаментальная теория должна базироваться на эксперименте и снабжать проверенными знаниями практику, а практика, в свою очередь, должна была бы позволить выявить ценность теории и поставить такие вопросы, которые будут стимулировать развитие теории. Но... если бы дело обстояло так, то не было бы этой специальной темы выпуска, посвященной вопросам природы психотерапии. Действительность оказывается намного более сложной, чем предполагает нарисованная схема. А.В. Юревич пишет: «Формально практическая или прикладная психология – это психологическая практика, имеющая такое же отношение к психологии как на-

уке, какое инженерная практика имеет к физике. Однако в действительности психологическая практика – это больше, чем практика, она представляет собой достаточно самостоятельную область психологического познания» (Юревич, 2005, с. 6).

В реальности психотерапевтические концепции находятся в весьма своеобразных отношениях с теориями, полученными в рамках процедур экспериментальной психологии. И психотерапевтические концепции, и экспериментально обоснованные теории касаются одних и тех же проблем (структуры личности, мотивации, раннего онтогенеза и т. д.), однако существуют как бы в параллельных мирах. Понятия, возникшие в психотерапии, еще становятся иногда предметом экспериментальной проверки, как это произошло, например, с концепцией перцептивной защиты. Однако ни экспериментально исследованные теории личности, ни даже результаты экспериментальной проверки психотерапевтических идей не оказывают видимого влияния на психотерапевтическую практику. Дело выглядит так, будто сегодня об одном и том же предмете, человеческой психике, существуют, по меньшей мере, два рода знания, один из которых

экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой, наоборот, соответствует нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке. Результатом идейного разделения оказывается социальное размежевание: сообществ, систем образования, ориентиров, авторитетов и кругов общения.

Результатом оказывается и то, что современная психотерапия далеко отклоняется от сциентистских образцов проверяемости знания. Проверимость дает эксперимент или эмпирическое исследование, основанное на статистике достаточного объема. Не обращаясь к экспериментальной психологии за обоснованием своих концепций, психотерапия лишается возможности их четко проверять. Отсюда поиск других ориентиров и существование множества конкурирующих школ, ни одна из концепций которых не может утвердиться как оптимальная, но и не воспринимается как окончательно опровергнутая.

Можно проанализировать и причины расхождения между экспериментом и психотерапевтической практикой. Когда речь идет о людях, их сложность, изменчивость, включенность во взаимодействие с экспериментатором, а также этическая позиция исследователя не позволяют исчерпывающим образом варьировать переменные, добиваясь точного знания об их отношениях. Экспериментальная психология вынуждена выхватывать относительно простые закономерности, которые допускают вариацию и проверку существующими методами исследования. Психо-

терапевт же имеет дело с целостным человеческим существом, поэтому не может удовлетвориться знанием локальных, пусть и точно установленных закономерностей и должен предпочесть сложные и целостные представления, даже если они основаны на интуитивных знаниях, правильность применения которых сложно точно обосновать.

С точки зрения классического понимания науки такое положение может быть объяснено тем, что психотерапия и соответствующие области экспериментальной психологии еще не достигли достаточного уровня развития. Если следовать такому пониманию, то можно ожидать, что когда-нибудь в будущем, если психологи и психотерапевты хорошо потрутся, экспериментально обоснованная теория личности станет настолько мощной, что позволит объяснить, что происходит в процессе психотерапии, и окажется ориентиром для людей, ведущих этот процесс. Можно пофантазировать и представить, что когда-нибудь психотерапевты вооружатся, например, бурно развивающимися сегодня средствами томографии головного мозга, которые позволят наблюдать за состоянием клиента в процессе терапии, воспользуются методами генетического анализа, благодаря чему смогут выявить генетические предпосылки темперамента клиента, и получат в свое распоряжение каких-нибудь нанороботов (наноботов), оказывающих сверхтонкое влияние на нервную систему. Конечно, все сказанное не очень вероятно и, как любые футуристические прогнозы, лишь экстраполирует на будущее тенденции сегодняшнего дня. Безусловно, однако, что дальнейший прогресс и

психотерапии, и экспериментальной психологии может привести к появлению методов проверки психотерапевтических построений. А.Б. Орлов на следующих страницах находит хороший образ для выражения подобного круга идей: психотерапия — еще эмбрион, которому предстоит стать живым существом после нелегких родов.

Однако возможно и другое понимание этой ситуации — постмодернистское. Ведь в то время как экспериментальная психология и психотерапия будут двигаться навстречу друг другу, чтобы создать классический треугольник теории, эксперимента и практики, могут появиться новые практические проблемы, которые нужно решать, не имея в руках проверенной экспериментом и адекватной практике теории. Может оказаться, что доля знания, не дошедшего до классического соотношения между наукой и техникой, не только не уменьшается, но даже растет. Области знания, находящиеся в движении, в переходном состоянии, «еще» не соответствующие идеалам проверяемости, могут оказаться преобладающими и наиболее важными в нашей жизни. Тогда гипотетико-дедуктивная наука (кстати, вряд ли существующая в чистом виде) уже не будет выглядеть единственно достойным интеллектуальным предприятием, а деятельность психотерапевта предстанет в

другом свете. Встает вопрос о том, что, раз экспериментальная проверка оказывается невозможной, ее место должны занять другие методы оценки адекватности концепции. Может быть, например, даже средневековый и опозоренный в Новое время принцип опоры на авторитеты не так уж плох? Ведь если в науке важно «личностное знание», то почему бы нам не прислушиваться в большей степени к тем людям, которых мы имеем основание считать наиболее компетентными? Этот вопрос, конечно, не вполне серьезен, однако он показывает, что ослабление требования контролируемой проверки научного знания образует вакуум, который должен быть заполнен другими принципами.

В таком случае вопрос о том, является ли психотерапия наукой (или может ею стать), лишается оценочного статуса. Можно даже идти в сторону крайних утверждений и заявить, подобно Г.П. Щедровицкому: «...я убежден, что наука умерла, ее больше нет, осталась скорлупа от науки. Больше того, я думаю, что наука вообще не есть та форма организации сознания групп и коллективов людей, которая может давать практичное и работающее знание» (На Досках..., с. 50).

Так или иначе, обсуждение статуса психотерапии выводит на глубокие вопросы природы психологического знания.

## Литература

На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Изд-во Школы культурной политики, 2004.

Юревич А.В. Три источника и три составные части психологического знания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 3. С. 3–18.

**Д.В. Ушаков, редактор раздела «Специальная тема номера»**